

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ЧЕЛОВЕК СВИТЫ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КАФЕДРЫ ПОЛИТЭКОНОМИИ ВГУ 1950-Х ГОДОВ

Самым высокопоставленным сотрудником Воронежского университета за всю вековую историю вуза можно считать доцента Николая Иосифовича Линкуна. В середине 1950-х годов он заведовал здесь кафедрой политэкономии, но еще в конце 1930-х – начале 1940-х был (ни много ни мало!) членом Центральной ревизионной комиссии ВКП (б) и 1-м секретарем Дагестанского обкома партии.

Что послужило причиной крутого падения этого человека с вершин власти? Какие опальные ветры занесли его в наш город и чем были отмечены годы его работы в университете? Обо всем этом и пойдет речь.

АГОНИЯ ЗАКАТА

Рассказ свой начну с... последнего сталинского сочинения. Оно появилось одновременно в газете «Правда» и журнале «Большевик» за пять месяцев до смерти автора и за день до открытия XIX съезда партии – 4 октября 1952 года. Называлась та работа «Экономические проблемы социализма в СССР».

В ней престарелый властелин гигантской державы, признавая в целом объективный характер законов экономики при социализме, утверждал, что, в частности, закон стоимости в созданном им государстве регулятором производства отнюдь не служит, так как сфера его деятельности распространяется в основном на товары личного потребления. А поскольку эти товары необходимы для возмещения затрат рабочей силы в производстве, то применение закона стоимости в Советском Союзе должно учитываться через хозрасчет, рентабельность и себестоимость.

Споры о том, что заставило теряющего силы вождя пуститься в подобные рассуждения, продолжают по сей день. Кто-то считает причиной тому личный фактор: в последние годы жизни Сталин

очень хотел заполучить репутацию великого философа-теоретика, для чего и написал несколько работ по различным отраслям науки. Другие – убеждены, что «кремлевский горец» просто-напросто разыграл очередной политической трюк: подгадав свою публикацию под открытие очередного съезда, он в итоге направил работу съезда по спланированному им пути – значительную часть времени делегаты обсуждали именно труд Сталина, а не проблемы народного хозяйства страны.

И наконец, ряд исследователей полагают, что работа «Экономические проблемы социализма» призвана была исполнить функцию теоретического и идеологического панциря, предохраняющего советских экономистов от мыслей о необходимых реформах.

Для обеспечения надежности этой защиты к работе были привлечены сотрудники органов госбезопасности, которые повсеместно стали выявлять таких экономистов, кто вопреки запретам, все же задумывался о реформах.

Один из них – сотрудник Госплана СССР Лука Ярошенко, попытавшийся установить связь между рациональной организацией производительных сил и изобилием продуктов, – после выхода в свет статьи Сталина был уволен с работы и отправлен в

Иркутск. А поскольку он и там продолжал дискутировать с главными положениями статьи вождя, его арестовали и отправили на Лубянку.

Другие ученые – сотрудник Института экономики АН СССР Владимир Венжер и его жена, доцент кафедры политэкономии МГУ Александра Санина – в шести письмах Сталину попытались противостоять линии на ограничение товарных отношений, на постепенную замену товарооборота продуктообменом и окончательную утрату колхозами оставшихся к тому моменту кооперативных черт. За это они подверглись основательной проработке и в конце концов лишились должностей.

Противник экономическому учению товарища Сталина был обнаружен и в Воронеже. Им стал доцент ВГУ, заведующий кафедрой политэкономии Владимир Николаевич Замятнин.

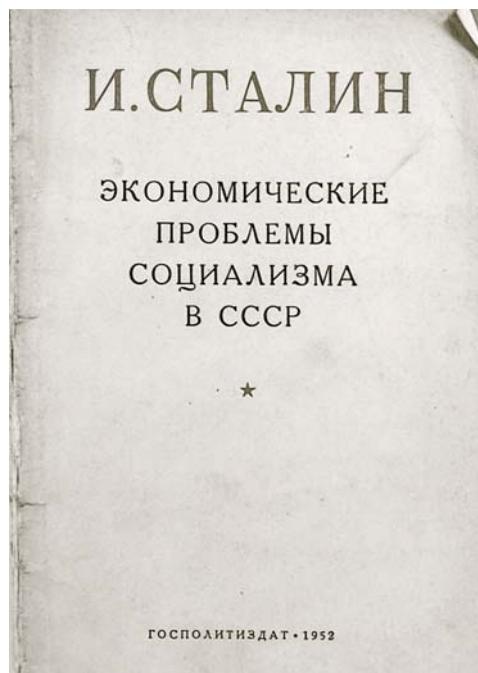
Сын воронежского акцизного чиновника В. Н. Замятнин в 1918 году окончил экономическое отделение Петроградского политехнического института. Во время Гражданской войны служил в Красной армии, был преподавателем и инструктором красноармейских школ при саратовском губвоенкомате. В 1924 году вернулся в Воронеж. Работал преподавателем, заведующим ряда школ, инспектором отдела просвещения Юго-Восточной железной дороги. С 1930 года преподавал политическую экономию и историю экономических учений в воронежских вузах.

В годы войны – вновь директор железнодорожной школы, вместе с которой был эвакуирован в Ртищево.

Наконец 1 января 1944 года, по указанию Воронежского обкома ВКП (б), Замятнин был переведен на должность доцента Воронежского госуниверситета. В том же году его приняли в партию, а еще через год он успешно защитил кандидатскую диссертацию при ученом совете Московского государственного экономического института, после чего с полным основанием возглавил кафедру политэкономии ВГУ.

В Воронеже Владимир Николаевич был человеком известным: долгое время руководил курсом политэкономии в университете марксизма-ленинизма, активно печатался в воронежских газетах, читал лекции в разных социальных аудиториях, словом, пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

Сфера его научных интересов уходила в глубину XIX века. Доцент Замятнин считался едва ли не лучшим в стране специалистом по экономической теории народников, в частности, писателя-демократа Н. Г. Чернышевского. Об этом он написал кандидатскую диссертацию, изданную в 1951 году в столичном Политиздате в виде почти пятисотстраничной монографии. В своей работе воронежский уче-

Последний удар советского диктатора по врагам

ный-экономист, ссылаясь на статьи Чернышевского, утверждал, что главной движущей силой экономики является труд, который нельзя оценить в денежном выражении, поскольку это фактор функционирования экономики. Исходя из этого, считал Замятнин, главным направлением исследования экономики должно стать не богатство, как понималось в классической политэкономии, а благосостояние определенного человека и нации в целом: «Только когда крестьянин будет понимать, что земля принадлежит ему, он будет работать на ней хорошо».

Сталин же в своей статье провозгласил, что «нельзя добиться изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, оставляя в силе такие экономические факты, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т. п., поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства государственным планированием».

После выхода сталинской статьи Замятнин выступил с покаянной речью. 11 февраля 1953 года во время открытого партийного собрания парторганизации ВГУ Владимир Николаевич осудил свои взгляды: «В работе тов. Сталина дан ясный ответ на основные теоретические проблемы, которые стоят перед нашими общественными науками. Думаю, мы не на все вопросы, которые встанут перед нами, можем сразу ответить. Мы на них будем давать ответ, очевидно, постепенно... Надо сказать,

Владимир Николаевич
Замятнин

что серьезные ошибки имеются и у работников нашей кафедры. Так, в одной из моих статей 1951 года утверждается, что закон стоимости действует в преобразованном виде в нашей стране».

Признание ошибок не спасло. Вскоре после этого органами МГБ было установлено, что отец доцента Замятнина был потомственным дворянином. Выходило, что классово-чуждый элемент обманым путем проник в коммунистическую партию и в советский университет. Кроме этого, было обнаружено, что в 1917 году в революционном Петрограде студент Владимир Замятнин напечатал несколько статей в небольшеви́стской прессе.

Все выявленные факты были отправлены в Министерство высшего образования СССР с требованием принять соответствующие меры. Реакция не заставила себя ждать: заместитель министра высшего образования, начальник главного управления университетов М. А. Прокофьев подготовил распоряжение, на основании которого Воронежский обком ВКП (б) исключил В. Н. Замятника из рядов партии, а ректор ВГУ Н. П. Латышев издал приказ об освобождении его от работы в университете – «за обман партии – скрывание своего дворянского происхождения и активного участия в буржуазной печати».

От ареста Владимира Николаевича спасло то, что приказ был подписан 5 марта 1953 года. В день смерти Сталина.

В. Н. Замятнин навсегда уехал из Воронежа. Вскоре он был восстановлен в партии, защитил док-

торскую диссертацию, стал профессором Всесоюзного заочного финансово-экономического института. Умер в 1969 году.

Что же касается его происхождения, то вот как сам Владимир Николаевич писал об этом в 1951 году в автобиографии: «Родился в г. Воронеже 15 (2) сентября 1892 года. Отец был чиновником финансового ведомства. Недвижимого имущества и никаких других средств, кроме заработка на службе, не имел. Умер отец в 1905 году. Мать умерла в 1894 году. Вторая жена отца со своими детьми и мною после смерти отца жила на пенсию. Во время ученья в средней школе и в высшей школе мне помогали дяди и тетки по матери (ветеринарный врач, учительница, фельдшерница)».

Кстати, история с дворянским происхождением никак не коснулась сводного брата воронежского ученого-экономиста – известного советского археолога Сергея Николаевича Замятнина. В разгар гонений на брата он по-прежнему оставался заведующим отделом археологии Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, руководил раскопками древней стоянки в окрестностях Сталинграда...

РЕКТОР-КОМЕНДАНТ

Уволив В. Н. Замятнина, ректор ВГУ Н. П. Латышев возложил временное исполнение обязанностей заведующего кафедрой политэкономии на самого себя.

Николай Петрович Латышев был участником двух войн – Гражданской и Великой Отечественной. В 1918 году он, восемнадцатилетний ученик типографского наборщика в Иваново-Вознесенске, вступил в партию и ушел добровольцем в Красную гвардию. Участвовал в боях на Петроградском фронте против генерала Н. Н. Юденича и на Северо-Западном фронте против белополяков, где был ранен в ногу. В августе 1941 года он же, к тому времени переведенный с должности второго секретаря горкома партии на должность ректора ВГУ, стал комиссаром знаменитого Воронежского добровольческого полка, в рядах которого оказались многие студенты и сотрудники Воронежского университета. Полк тот, пережив за годы войны несколько переформирований, дошел до Вены.

После Победы гвардии подполковник Латышев последовательно был военным комендантом двух чехословацких городов – Михаловце и Оломоуце. Четкое и беспрекословное обеспечение порядка и воинской дисциплины оказалось истинным призванием этого человека. Недаром его деятельность в должности военного коменданта была отмечена орденом

Отечественной войны I степени. «Ясно понимая свою роль, имея опыт в работе и проявляя постоянное старание при исполнении служебных обязанностей, тов. Латышев сумел организовать комендантскую службу в прифронтовых городах и наладить нормальную жизнь на освобожденной территории, обеспечивая потребности продвигающихся войсковых частей», – указывалось в его наградном листе. Особо отмечались успехи военного коменданта Латышева по сбору и охране трофейных ценностей, которых «только по банкам было изъято несколько пудов золота, серебра и бумажной валюты».

Нет ничего удивительного, что, когда в феврале 1946 года, демобилизовавшись из армии, Николай Петрович вернулся в кресло ректора Воронежского университета, он стал руководить вузом в стиле военного коменданта прифронтового города.

Профессор ВГУ Алла Борисовна Ботникова в книге воспоминаний «В те времена...» рассказывает о своей первой встрече с ректором Латышевым в далеком 1949 году. Отличница, выпускница МГУ приезжает в разрушенный войной Воронеж, чтобы работать в местном университете, и...

«Интересуюсь, как найти ректора, – пишет А. Б. Ботникова. – Мне указывают на стоящего в коридоре с какой-то группой людей еще не старого, коренастого человека. Дожидаюсь, пока они кончат разговор. Робко спрашиваю: “Вы ректор университета?” В ответ недовольно звучит: “Да, только я в коридоре не разговариваю”. А я ведь не знаю места, где он “разговаривает”. Беспомощно оглядываюсь. Вижу, что он направляется к какой-то двери, плетусь за ним, потеряв всякое присутствие духа и готовая разреветься от жалости к себе. Вхожу сначала в приемную, там сидят какие-то люди. С ними мне еще предстоит познакомиться. Немного подождав, оказываюсь в кабинете ректора – Николая Петровича Латышева. Немного словен и не очень любезен. Но – слава Богу! – деловит. Наскоро проглядывает мои бумаги. Дает распоряжение выдать мне подъемные (весьма кстати!), выделяет комнату в общежитии и распоряжается, чтобы мне дали помощника переезжать с вокзала вещи».

К сожалению, имя Н. П. Латышева оказалось прочно связанным со всеми карательными идеологическими кампаниями позднего сталинизма, друг за другом прокатившимися по ВГУ на рубеже 1940–1950-х годов.

«Нужно покончить с ротозейством и беспечностью, – требовал он в одном из своих выступлений той поры. – Носители буржуазных взглядов и буржуазной морали – враги народа, поддерживаемые империалистами, будут и впредь вредить нам.

Ректор
Николай Петрович Латышев

Установлено, что все участники недавно раскрытой террористической группы врачей-вредителей, готовившие новые покушения на жизнь руководителей Советского государства, состояли на службе у разведок капиталистических государств. Большинство их было завербовано агентурой американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”, другие – старые агенты английской разведки»...

Бдительность стала основой всей внутриуниверситетской политики этого ректора. Соблюдения ее во всех формах он неуклонно требовал от сотрудников.

«Болтливость – наш враг, но никто так не болтает, как наши научные работники, – польхал на собраниях Латышев. – Очень часто можно видеть, группы или даже несколько групп шушукуются в коридорах, что поступает новое – немедленно через болтливых людей распространяется, и получается те, кому положено это знать – не знают, а кому не положено – знают (это есть и в канцелярии, и у секретаря ректора). Болтливость у нас развита всюду, нам нужно перестать болтать и самим в научной работе. Настало время покончить с этим и бороться против беспечности и ротозейства»...

«Бдительность нужна везде и всюду, и всегда, – призывал он с другой трибуны. – Раскрытие антисоветских групп студентов у нас в университете свидетельствует о недостаточной идейной работе и политическом воспитании студентов. Надо хорошо знать марксизм-ленинизм и труды товарища Сталина, но

с этим у нас не совсем благополучно, студенты политзанятия посещают плохо, уровень проводимых занятий низкий»...

«В нашем университете мы имеем факты, когда изымались группы студентов-антисоветчиков, – негодовал Николай Петрович. – В нашем университете подвизались троцкист Тягны-Рядно, старый эсер Михин, проходимцы Проценко и Майский. Можно ли забывать эти факты? Конечно, нельзя. Можно ли благодушеествовать? Можно ли считать, что в Воронежском университете все обстоит благополучно, что туда же классовый враг, шпион не полезет? Конечно, нет. Сейчас как никогда нужно поднять бдительность, покончить с ротозейством и беспечностью. Ибо там, где беспечность, там и вредительство»...

Словом, во всех послевоенных культурных погромах ректор ВГУ Н. П. Латышев всегда оставался вдохновенным и добросовестным исполнителем державной воли. Думается, именно по этой причине Николаю Петровичу удавалось сохранять свой пост достаточно долго. Даже несмотря на то, что у него совершенно не ладилась дела на научном поприще.

Здесь он терпел поражение за поражением.

Еще в 1938 году Латышев окончил экономическое отделения Института красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики (было такое специальное учебное заведение ЦК ВКП (б), где готовили идеологические кадры и преподавателей общественных наук для вузов страны). Через год после этого он был назначен ректором Воронежского университета, а в феврале 1941-го – утвержден Высшей аттестационной комиссией в ученом звании доцента кафедры политической экономии ВГУ, которую сам же и открыл в 1940 году. Тогда же он начал читать студентам курс лекций по политэкономии капитализма. Собственно, весь этот курс состоял из двух разделов: первый назывался «Относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, разорение крестьянства – непреложный закон капитализма», второй – «Критика ревизионистских теорий, отрицающих закон обнищания рабочего класса при капитализме».

Потом была война, которую, как известно, гвардии подполковник Латышев провел в действующей армии. Когда же после Победы он вновь оказался в кресле ректора ВГУ, то Аттестационная комиссия Министерства высшего образования СССР особо обратила внимание Николая Петровича «на необходимость усиления работы по повышению своей научной квалификации с тем, чтобы закончить работу над кандидатской диссертацией в 1948 году».

Увы! Выполнить приказ министерства Латышев не смог: никакой научной работы в 1948 году

он так и не написал. В последующие годы ректор ВГУ регулярно получал двухмесячный творческий отпуск – «для работы над кандидатской диссертацией», но никакой диссертации так и не появилось.

Тема, которую Николай Петрович выбрал для исследования, звучала идеологически верно и политически грамотно: «Рост материально-культурного уровня жизни трудящихся СССР в послевоенный период». О том же, насколько она соотносилась с действительностью, можно судить по фрагменту из выступления на одном из партийных собраний ВГУ той поры коменданта общежития № 2 тов. Ефремовой:

«Вчера ночью в двенадцатом часу в общежитии открылась дверь, показались два детских ведерка, а за ними вошел босиком маленький мальчик и у швейцара спросил: „Дяденька, дай теплой водички“.

Швейцар отказал. Во мне боролись два чувства: коменданта – не пускать постороннего в общежитие и чувство человека. И это чувство победило, я разрешила взять теплой воды.

Студентки и я спросили мальчика:

– Откуда ты?

– Из развалин.

– Почему ты там живешь и с кем?

– Мы с мамой вышли из тюрьмы.

– А где твой отец?

– Умер в тюрьме.

– Мама работает?

– Нет.

– А кто же кормит тебя?

– А к нам приходит папка, он кормит нас.

Он рассказал некоторые подробности жизни. Такой разговор произошел, что я почти всю ночь не могла успокоиться и уснуть.

Меня удивляет работа районо. Каждый месяц ходит их работник и берет от меня, коменданта, справки о том, что все дети, проживающие по Фр. Энгельса, д. 6, охвачены всеобучем. Я несколько раз им говорила: «В развалинах проживают дети, которые не учатся, охватите их учебой». Они отвечают: «Эти дети не прописаны»».

Такова была реальность, о которой Латышев знал в силу своей должности. Однако в своей работе он собирался писать (согласно сохранившемуся плану) о росте науки и техники в послевоенный период; о народном образовании и заботе о детях; об изменении условий жизни советской интеллигенции; об изменении структуры потребления продовольственных товаров и т. д.

Эти выводы никак не совпадали с действительностью. Николай Петрович по этому поводу переживал, но поделать ничего не мог: военный комендант неизменно побеждал в нем научного работника.

А в министерстве его по-прежнему торопили: Латышев оставался едва ли не единственным ректором страны, не имеющим ни научной степени, ни научных работ. Ставились новые сроки, воронежский ректор их неизменно срывал. Ситуация стала казаться тупиковой.

И тут в ВГУ появился человек, который пообещал Латышеву решить все его проблемы с диссертацией в кратчайшие сроки.

Это и был Николай Иосифович Линкун, бывший член Центральной ревизионной комиссии ЦК партии. 1 сентября 1953 года приказом министерства он был поставлен во главе кафедры политэкономии Воронежского университета вместо уволенного и едва не арестованного за дворянское происхождение доцента В. Н. Замятина.

ПАРТИЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Линкун не принадлежал ни к числу академических ученых-экономистов, ни к числу горластых сталинских фанатиков. Это был большой жизнелюб и авантюрист, главным талантом которого был огромный инстинкт выживания, позволявший ему успешно преодолевать все крутые повороты эпохи.

Родился он в воронежской слободе Чижовка в 1904 году в семье железнодорожника. Вскоре отец в поисках лучшей жизни подался вместе с семьей на юг, где пятнадцатилетний Линкун начал батрачить в хозяйствах зажиточных крестьян. В 1921-м семья перебралась в Юзовку, там отец и сын устроились забойщиками на шахту. Но если отец рубил уголь до самого выхода на пенсию в 1940 году, то сын очень быстро поменял тяжелую работу шахтера на комфортную должность функционера. Уже через три года он стал председателем правления рабочего клуба, откуда по комсомольской путевке попал в курсанты совпартшколы.

Ни одна из волн большого номенклатурного террора 1930-х годов Николая Линкуна не затронула, поскольку первых должностей он в то время не занимал: был секретарем шахтного клуба, заведующим культпросветотделом горкома партии, заместителем начальника политотдела зерносовхоза... Дважды учился в Институте красной профессуры в Москве: сначала на полугодичных курсах подготовки кадров, затем – два с половиной года на аграрном отделении института. (В это же время в ИКП учился и ректор ВГУ Латышев – правда, на другом отделении.)

В печальной памяти 1938-м Линкуна на год взяли на работу в ЦК, в самый главный с точки зрения карьеры отдел – руководящих партийных органов. Там ковали кадры. Начальником ОРПО ВКП (б) в то

Николай Иосифович
Линкун

время был Георгий Маленков, который тихо и методично расставлял верных ему людей на ключевые посты в стране. Линкун ему приглянулся, и уже через год Маленков отправил его, обыкновенного инструктора ОРПО, главным партийным заместителем в Махачкалу – 1-м секретарем Дагестанского обкома ВКП (б). На состоявшемся вскоре XVIII съезде партии Линкун был избран членом Центральной ревизионной комиссии ВКП (б).

В ту пору в СССР заканчивалась кардинальная смена состава правящего слоя. К 1939 году были «вычищены» из властвующей группы 94 процента состава ЦК 1924 года. Их заменили люди типа Линкуна – вступившие в партию по «ленинскому призыву» в 1924–1925 годах. На них и опирался Сталин, когда решил изменить персональный состав номенклатуры, дабы исключить из руководства людей, в преданности которых не был убежден. Характерно, что особую роль в системе этого отбора стал играть антиинтеллигентный стиль назначения: важнейшие партийные и государственные посты стали занимать малообразованные, малокультурные руководители.

Линкун идеально соответствовал данному требованию, но при этом он был абсолютно не подготовлен к должности руководителя регионального уровня. По воспоминаниям работавших с ним партийных функционеров, обосновавшись в Махачкале, он «дальше Буйнакса никуда не ездил» (это чуть больше тридцати километров от столицы республики), в основном сидел в кабинете, что, конечно, не сулило ему никакого авторитета.

С началом войны Москва стала требовать от территориальных руководителей обеспечения сборов многочисленных налогов, мобилизации скота и транспорта, участия в оборонительных работах местных жителей. По мере приближения фронта требования ужесточались.

В этих условиях Линкун не нашел ничего лучшего, как действовать сугубо административными методами. Так, по его указанию работы по сооружению оборонительных рубежей в республике перестали оплачиваться, людей кормили плохо, из-за чего количество уклонявшихся от работ очень скоро возросло до десяти тысяч человек. Чтобы решить проблему, Линкун приказал брать в заложники членов семей уклонистов.

Ситуация усугублялась еще и тем, что в республике заканчивалось продовольствие. Бездумное руководство сельским хозяйством со стороны обкома партии привело к тому, что практически весь урожай был сдан государству в счет плана и теперь население Дагестана находилось на грани голода. Люди стали активно выражать недовольство, игнорируя любые приказы партийных органов, уклоняясь от призыва в армию.

Многотысячная армия бедствующего и голодного народа спустилась с гор на равнину, где продуктов тоже не было. Начались массовые эпидемии и смерти. Вконец озлобленные жители начали организовывать банды, которые начали нападать на советские воинские формирования.

После этого Сталин отправил в Дагестан специальную комиссию во главе с членом ГКО всеильным Лаврентием Берией и командующим Закавказским фронтом Иваном Тюленевым.

Вина Линкуна была очевидна, и по законам военного времени его следовало отдать под трибунал. Но покровительство Маленкова вновь помогло. Линкуна освободили от должности как «не справившегося с работой первого секретаря» и отправили в действующую армию, но не в штрафбат, а заместителем по политчасти начальника тыла 49-й армии.

О его фронтовых успехах можно узнать из наградного листа, подписанного начальником тыла 49-й армии полковником Дементьевым: «Тов. Линкун непосредственно руководит подсобными хозяйствами армии. Сумел добиться отличных результатов в работе последних. Путем своевременной посадки, прополки и постоянного тщательного ухода все овощные культуры имеют отличные и сверхотличные виды на урожай. Тов. Линкун руководит деятельностью сельскохозяйственной группы армии по организации и проведению сеноуборки и уборки зерновых, эти работы проходят планомерно по всей армии». За

эту работу наш герой был награжден тремя боевыми орденами – Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, получил звание полковника...

После войны Линкун (не без помощи все того же Маленкова) попытался вторично сделать партийную карьеру. На этот раз – в Астрахани, куда он прибыл вторым секретарем горкома, но очень скоро стал вторым секретарем обкома партии. Но в 1949 году его с очередным скандалом сняли с должности.

На этот раз поводом для разбирательства стали его сугубо семейные дела. Брат жены Линкуна, некто И. П. Беляев, демобилизовался из армии и вернулся к семье на Донбасс, однако работать там не захотел. Узнав, что Линкун занимает большую должность в Астрахани, Беляев отправился туда, где тут же получил должность заместителя начальника отдела снабжения на пароходстве «Волготанкер». А потом стало известно о причинах, по которым Беляев не захотел оставаться на Донбассе.

Дело в том, что во время войны, будучи красноармейцем, он попал в фашистский плен, где дал согласие работать на немецкую разведку. Переправившись через линию фронта, Беляев выдал себя за вышедшего из окружения бойца и был зачислен в ряды Советской армии, где и встретил Победу. Обнаружить предателя удалось только в 1949 году. Беляев был арестован и осужден, а устроивший его на работу Линкун схлопотал строгий выговор от партколлегии ЦК КПСС «за притупление политической бдительности». В очередной раз он был снят с работы и неожиданно для многих направлен на учебу в аспирантуру Академии общественных наук.

В этом парадоксальном, на первый взгляд, кадровом решении присутствовала своя логика. В классической работе «Номенклатура» советский философ-невозвращенец Михаил Восленский, анализируя разницу между управляющим слоем буржуазии и сталинскими чиновниками, делает следующие выводы: «Буржуазия руководит в первую очередь именно экономикой, непосредственно материальным производством, а уже на этой основе играет роль и в политике. Так пролег исторический путь буржуазии от ремесла и торговли, от бесправия третьего сословия к власти. Иначе проходит исторический путь советская номенклатура. Он ведет от захвата государственной власти к господству и в сфере производства. Номенклатура осуществляет в первую очередь именно политическое руководство обществом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей».

Вот и Николай Иосифович Линкун, дважды потерпев крах на политическом направлении номенклатурного поля, был отправлен на его резервное

направление – экономическое. В 1951 году он окончил академию, получил диплом кандидата экономических наук и был послан на свою малую родину, в Воронеж, где поначалу стал скромно заведовать кафедрой экономических наук в местной партшколе.

После громкого скандала с исключенным доцентом Замятниным министерство перевело Николая Иосифовича на работу в Воронежский университет, где тот сразу же вызвался решить проблему с ректорской диссертацией.

Поначалу Линкун обещал Латышеву личную помощь в написании работы, однако вскоре изменил своему обещанию.

Дело в том, что после смерти Сталина руководство страны начало процесс постепенной замены идеологических ортодоксов на профессионально подготовленных хозяйственников во всех сферах хозяйственной деятельности. То, что сталинист Латышев оказался одним из первых, кто попал под эту кампанию, неудивительно: его абсолютная научная беспомощность в конце концов окончательно вывела из себя министерское руководство.

Сначала появился приказ министра высшего образования СССР В. Н. Столетова, в котором было указано на серьезные недостатки в научно-исследовательской работе Воронежского университета, а 14 сентября 1953 года Латышев за эти недостатки был освобожден от работы ректора. Решение министерства тут же было поддержано на бюро Воронежского обкома партии.

Так в один день Николай Петрович Латышев из начальника заведующего кафедрой политэкономии Линкуна стал его подчиненным (бывшего ректора оставили в университете доцентом этой кафедры). Линкун мгновенно потерял всякий интерес к научному будущему своего рядового сотрудника, поручив заниматься этим доценту Виктору Александровичу Павловичу – опытному преподавателю-экономисту, только перебравшемуся в Воронеж из МГУ по семейным обстоятельствам.

Павлович с задачей справился. Для начала он поменял Латышеву тему диссертации, предложив, не мудрствуя лукаво, написать работу об «Основном экономическом законе социализма». Здесь не было столь вопиющих противоречий с реальностью, а было больше теоретических рассуждений, поэтому меньше чем через год бывший ректор, под руководством Павловича, не только написал долгожданную кандидатскую, но и успешно защитил ее, получив столь желаемое научное звание.

Вскоре после этого Латышев навсегда покинул ВГУ и несколько последующих лет возглавлял кафедру политэкономии в местном пединституте.

ПРОДУКТ «ОТТЕПЕЛИ»

А Линкун тем временем старался использовать весь свой административный опыт, все навыки, полученные в недрах сталинской номенклатуры, дабы укрепить свое влияние и власть в университете, да и в Воронеже в целом.

Очень скоро по городу поползли слухи, что в ВГУ появился большой партийный начальник, занимавший некогда высокие посты и сохранивший влиятельные связи в столице. Начальник этот – суров, поэтому легко может любого не понравившегося ему человека посадить в тюрьму. (Об этих слухах на одном из партийных собраний в университете рассказал профессор Б. М. Бернадинер.)

Достаточно быстро Линкун убедил университетский партком инициировать процесс снятия с него астраханского партийного выговора. Проголосовали единогласно. Вот только бывшая зав. отделом пропаганды Ворошиловского района, перешедшая на работу на кафедру марксизма-ленинизма ВГУ, М. Е. Комелева по-женски посетовала: почему это Николай Иосифович не перевозит из Москвы в Воронеж свою жену? Линкун ответил без затей: мол, здесь очень холодная квартира. На что Комелева пробурчала: «Когда мы были на семинаре в Москве, то товарищ Линкун неаккуратно посещал их. В Москве у него жена, ребенок, но он взял комнату на Ленинских горах в МГУ, на семинары не ходил, а вечером посещал женское общежитие. Он имеет какие-то связи и в Воронеже с преподавателем мединститута. Тов. Линкун, вам надо перевести сюда семью и бросить свои похождения»...

Но Николай Иосифович сам прекрасно знал, что ему надо делать.

Очень скоро он устроил фундаментальную кадровую чистку на вверенной ему кафедре. Все, кто ему возражал или пускал о нем слухи – безжалостно начали изгоняться из университета. На их место Линкун устраивал лично преданных ему людей либо своих дальних родственников. Объяснял свои действия он довольно просто: таково требование времени.

Как опытный аппаратчик Николай Иосифович мастерски умел прикрывать собственную выгоду идеологией. Вот, к примеру, фрагмент его выступления на партийном собрании университета в марте 1955 года:

«Товарищи! Решающим условием в деле решения задач, поставленных январским Пленумом ЦК партии, является развитие тяжелой промышленности, и прежде всего производства орудий производства как основы развития советской экономики...

Изучение материалов XX съезда КПСС в колхозе имени Н. С. Хрущева Семилукского района Воронежской области. 1956 год

Этому вопросу уделено большое внимание в докладе тов. Хрущева и в постановлении потому, что этот вопрос является решающим и потому, что по этому вопросу среди наших экономистов допущены грубейшие извращения. Ряд сотрудников института экономики сельского хозяйства, ряд сотрудников кафедр различных вузов стали говорить, что первостепенное развитие тяжелой промышленности необходимо было, когда проходила индустриализация страны, а теперь созданы все условия для того, чтобы развивать все отрасли хозяйства в одинаковой степени. Это неправильно. Тяжелая индустрия – необходимое условие для продвижения нашего общества вперед, необходимое условие для обороноспособности нашей страны, необходимое условие для создания обилия продуктов. Такие ошибки были допущены и на кафедре нашего университета. У нас руководит аспирантом тов. Хорошков. Он написал отзыв о диссертации Николаева неправильно. В данном случае Хорошков является путаником. Дальше – у нас работает Попов, который также допускает большие ошибки. Он предлагает брать налоги в колхозах по способностям, то есть чем выше урожайность в колхозе, тем больше продуктов, тем больше налогов брать. Это вообще является клеветой на советское государство и нашу партию. В связи с этим кафедра политэкономии решила провести ряд мер...»

Как правило, этими мерами было увольнение неугодных Линкуну сотрудников.

Однако времена менялись. Появлялись люди, которые пробовали противостоять административному произволу заведующего кафедрой. К примеру,

уволенная Линкуном лаборантка Мирра Большакова (вместо нее Николай Иосифович взял на работу по-направившуюся ему секретаршу из Дома офицеров) – фронтовичка, имевшая ранение и боевые награды, – оспорила это решение в суде и была восстановлена на работе. Но подлинную борьбу с методами заведующего кафедрой повел уже известный читателю доцент Павлович.

Виктор Александрович Павлович был из беспризорников, воспитывался в детском доме. Несмотря на это, в 1930-е он успешно окончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт Наркомфина СССР, в 1948-м защитил кандидатскую диссертацию.

Преподавал политэкономии в вузах едва ли не десятка городов страны, причем в Костроме, Куйбышеве, Молотове (Перми) и МГУ даже заведовал кафедрами. Столь частая смена места работы объясняется личными качествами Павловича. В одной из служебных характеристик о нем сказано так: «Легкомысленно подходит к освещению и разъяснению некоторых важнейших положений марксистско-ленинской теории в своих лекциях и непартийно реагирует на критику ошибок и недостатков в его работе».

Впрочем, «легкомысленное отношение к теории» не помешало Павловичу в годы войны быть старшим инспектором финотдела 1-й танковой армии.

Вне всякого сомнения, Павлович был в тот период самым квалифицированным преподавателем-экономистом в ВГУ. Его любили студенты и аспиранты, уважали коллеги по кафедре, в университете говорили, мол, у нас два зав. кафедрой по-

литэкономии: один – администратор, а другой – научный руководитель... Доцента Павловича охотно приглашали в другие воронежские вузы читать курс «История экономических учений», ездил он с лекциями и по районам области...

25 апреля 1955 года Павлович обратился с заявлением к председателю ученого совета ВГУ новому ректору Б. И. Михантьеву.

«В интересах дела, – писал заявитель, – ставлю перед ученым советом ВГУ вопрос о необходимости снятия с должности зав. кафедрой политической экономии т. Линкуна Н. И.»

Вот несколько аргументов, которыми Павлович объяснял свою позицию. Во-первых, считал он, за время своей деятельности Линкун проявил себя неспособным работником. В теоретическом отношении он не смог обеспечить научное руководство аспирантурой, а в отношении методического руководства кафедрой показал себя очень слабым работником.

Во-вторых, утверждал Павлович, Линкун является двуличным человеком, поддерживает свой авторитет только на основе угроз, силой страха создавая вокруг себя атмосферу подхалимства. Члены кафедры его боятся.

И, наконец, в-третьих, все действия Линкуна, по мнению автора заявления, покрывает лично секретарь парткома ВГУ И. С. Лыгин, который приятельствует с ним еще со времен совместной работы в партшколе.

После обнародования этого заявления Виктора Александровича Павловича вызвали в кабинет ректора, где, в присутствии Лыгина и Линкуна, Михантьев приказал ему написать заявление об уходе.

Павлович отказался. Вместо этого уже на следующий день он написал обращение к начальнику Управления преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР С. А. Юдачеву о нездоровой ситуации, сложившейся на кафедре политэкономии ВГУ и попросил прислать в Воронеж инструктора, чтобы тот на месте разобрался в происходящем. Аналогичные обращения Павлович направил в ЦК КПСС и Воронежский обком партии.

Ничего путного из этой затеи, конечно же, не вышло. На закрытом партийном собрании ВГУ в присутствии секретаря райкома КПСС А. И. Тарасова подробно разобрали поведение Павловича и создали комиссию по проверке обнародованных им фактов. Комиссия, как водится, не подтвердила обвинения, изложенные в заявлениях.

Виктору Александровичу Павловичу пришлось покинуть ВГУ и уехать из города. Его дальнейшая судьба мне не известна.

Виктор Александрович Павлович

Что же касается Николая Иосифовича Линкуна, то после разразившегося скандала его дни в Воронеже тоже оказались сочтены. Обвинения, выдвинутые против него Павловичем, очень скоро стали известны не только в университете, но и в городе, после чего образ «грозного начальника с большими связями в столице» приобрел карикатурный оттенок. Дабы погасить скандал заведующему кафедрой политэкономии ВГУ прямо в разгар учебного года пришлось спешно отбыть в Москву.

Впрочем, долго без работы этот человек не оставался.

В феврале 1956 года состоялся судьбоносный для страны XX съезд партии, осудивший культ личности Сталина. После этого начались изменения во многих сферах жизни. В том числе и в науке. Повсеместно требовались новые кадры.

И очень скоро в Институте экономики Академии наук СССР появился новый ученый секретарь – научный работник из провинции, пострадавший в свое время от сталинского произвола. Уже через год этот сотрудник стал заместителем директора института по научной части и проработал в этой должности до самой своей персональной пенсии.

Как вы уже догадались, звали его Николай Иосифович Линкун. За шестнадцать лет работы в институте Академии наук он издал всего лишь одну брошюру – «Оплата труда в совхозах в зависимости от результатов производства». Да и ту с помощью двух соавторов.